

KOINON: КОЭКЗИСТЕНЦИЯ ГЕНИЕВ ИЛИ ПОЛЕТ ИДЕЙ В ВОЗДУХЕ?

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье на примере жизни Веймара как «немецкой культурной столицы» времен И. В. Гёте (1749–1832) рассматривается специфика организации неформальных интеллектуальных сообществ, которые определяли ныне существующие формы культуры в Европе и в России. Такой гуманитарный koinon анализируется как возникшая в определенной исторической ситуации форма сосуществования и сотрудничества творческих людей, поддержку творчества которой обеспечивают «просвещенные власти». Рассматривается фигура носителя власти как «менеджера культуры» и формирование им «центров культуры» в соответствии с собственными представлениями о достойной человеческой жизни. Государственная культурная политика, как демонстрирует автор статьи, скроена так, что ее центральной фигурой начинает выступать сам «просветитель на троне» и подобранные им «руководящие кадры». Такая аристократическая культурная политика противостоит рыночно-демократической, которая ориентирована на «массовый спрос».

Ключевые слова: koinon как просветительская форма организации элитарной культуры, просветитель на троне, культурная политика, менеджер культуры, культурная столица, очаг культуры и культурный центр в Веймаре XVIII — начала XIX в.

Для цитирования: Перцев А. В. Koinon: коэкзистенция гениев или полет идей в воздухе? // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 125–143. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.006

KOINON: THE COEXISTENCE OF GENIUSES OR FLIGHT OF IDEAS IN THE AIR?

A. V. Pertzev

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Abstract: The article by A. V. Pertsev, professor of the Ural Federal University, on the example of Weimar's life as a “German cultural capital” at the time of I. V. Goethe (1749–1832) discusses the specifics of the organization of informal

intellectual communities that defined the existing forms of culture in Europe and Russia. The paper analyzes such a humanitarian koinon as a form of coexistence and cooperation of creative people, which emerged in a particular historical situation and is supported by “enlightened authorities”. The figure of the bearer of power as a “cultural manager” and his formation of “cultural centres” following his ideas of a worthy human life are as well under consideration. As the author of the article demonstrates, the state cultural policy is concealed in such a way that its central figure is the “enlightener on the throne” himself and the “leading personnel” he has chosen. This aristocratic cultural policy is opposed to a market-democratic one with a focus on ‘mass demand’.

Keywords: koinon as an educational form of organization of elite culture, enlightener on the throne, cultural policy, manager of culture, cultural capital, hearth of culture and cultural center in Weimar 18 — early 19 centuries.

For citation: Pertzev, A. V. (2020), “Koinon: the Coexistence of Geniuses or Flight of Ideas in the Air?”, *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 125-143 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.006

Понятия философские — это понятия предельной степени общности. Их нельзя определять обычным образом — через указание на род и видовое отличие. («Стул — это мебель, предназначенная для сидения»). «Род» — это указание на более общее, а для философского понятия предельной степени общности нет ничего «более общего».

Поэтому понятия философские определяются только через противопоставление их другим предельно общим понятиям. Представляется, что понятие koinon представляет собой именно философское понятие — и понять его смысл можно только через понятие противоположное. Таковым выступает понятие «уединенность». Koinon — это преодоленность уединенности как разобщенного существования. Это — объединение интеллектуальных и материальных ресурсов, достигнутое в противоборстве с силами и обстоятельствами, которые способствуют существованию в разобщении и уединенности.

Разобщенность и уединенность могут быть вызваны объективными факторами — например, пандемией или глобальным экономическим кризисом, конкуренцией и конфликтами на международной арене. *Inter anna silent Musae* [Казаченок, Громыко 1987, с. 281] — эта поговорка неверна: вся мощь таланта людей даровитых во времена, когда говорят пушки, мобилизуется для победы над противником. Такую вынужденную разобщенность надо преодолевать — в том числе и средствами культуры. А вот уединение, скорее, подразумевает добровольный уход от мира — затворничество. И то и другое противостоит идее, описываемой как koinon — объединение сил, ресурсов, соединение интеллектуальных усилий, которые не воспринимаются как «усилия» — это уже парад умов и талантов, радость общения и честное состязание на радость всему сообществу. Фестивали и конференции, проводимые в реальном или

виртуальном мире, побуждают ценить достижения других народов, а также живо интересоваться выдающимися произведениями прошлых эпох. Трудно выразить это чувство интеллектуального и художественного единства всего человечества лучше, чем это сделал И. В. Гёте:

«Если рассматривать по отдельности прежде происходившие процессы формирования времен, районов, местностей, то из темного прошлого повсюду навстречу нам выступают прилежные и выдающиеся люди — храбрые, прекрасные, добродетельные и прекрасные внешне. Славословие человечества, к которому столь охотно прислушивается божество, никогда не смолкает, и мы сами чувствуем божественное счастье, если воспринимаем гармонично распределенное по всем временам и районам мира созвучие то отдельных голосов, отдельных хоров, то фугообразное развитие тем, то великолепное полнозвучие» [Von Goethe 2006, s. 46].

Современный «интеллектуальный» журнал — если использовать терминологию И. В. Гёте — может быть посвящен и собиранию *«отдельных голосов»* отшельников-мыслителей и художников, рассеянных по миру, и презентации *«отдельных хоров»*, т. е. научных или художественных школ, и исполнение *«фуг»*, в которых одна и та же тема звучит в исполнении разных инструментов или труб органа из разных регистров (а орган, по общеевропейскому мнению, есть Глас Божий). Но koínon как высокий идеал — это, конечно, «великолепное всеобщее песнопение». Главное в этой формулировке И. В. Гёте — не **всеобщее**, а **великолепное**, т. е. великолепно слепленное-исполненное. В отличие от социальных сетей, где слово предоставляется сегодня всем без разбора и без отбора, редколлегия интеллектуального журнала вовсе не считает, что каждый имеет право на свои пять минут славы. И великий И. В. Гёте прав: члены редколлегии чувствуют себя равными богам, которые отбирают-избирают избранное у избранных.

Интеллектуальные журналы — это сегодня пережиток. Свободные рыночные предприниматели отучили большинство публики читать всё, что длиннее рекламы. Лучшее сегодня — это *бестселлер*, т. е. то, что лучше всего продается. В смысле — наибольшему количеству покупателей. Интеллектуальные журналы, наоборот, ищут *изысканное*. То есть, вернее, они сами *изыскивают* — вопреки рыночным тенденциям — нечто такое, что выходит из рыночного ряда вон. Из ряда вон выходящее. Впрочем, на рынке все стремятся выйти вон из ряда — лезут вон из кожи и вопят, как оглашенные, расхваливая свой товар или свои услуги (экономисты ВШЭ уверяют нас, что третьего просто не дано). Чтобы изыскивать изысканное, должен быть человек с особо тонким вкусом (слухом, осязанием, обонянием, зрением). Только он найдет то, что не бросается в глаза.

В таком искусстве — изыскивать изысканное, а потом еще и собирать вместе! — нет равных женщинам. Всякий интеллектуальный журнал — как пережиток

пережитого ранее, но переживший это пережитое прямо наследует литературно-художественным салонам феодальных времен. Салон — это место, куда некогда собирались придворные поговорить *не о службе*. «Двор» — в первоначальном значении слова — это не какая-то огороженная площадка и даже не помещение, а «войско». А государь — это лучший воин своего двора. Так что в его присутствии первым делом остается служба. А вот в салонах, которые держали особо прекрасные и знатные дамы, общение было свободным и поощрялись как раз импровизации и таланты. Но таланты эти кто-то должен был пригласить, избрав достойный *koionon*.

Да, заслуга создания той атмосферы, которая отличает *koionon* как содружество талантливых людей, в равной мере принадлежит просветителям и «просвещенным государям». Первые сумели привить вторым мысль о том, что при дворе должно быть не только *воинственно*, но и *интересно*. Так что надо приглашать *ко двору* мастеров затейливого разговора, уже выказавших свою мудрость в сочинениях, а также мастеров искусств. А просвещенный государь мог бы и сам быть для них высоким примером.

Просто несравненным среди таких государей был, пожалуй, король Пруссии Фридрих Великий [Фрейзер 2003, с. 604]. Он стал королем после смерти отца, в 1740 г., в двадцать восемь лет¹. Отца звали «королем-солдатом», а сын тут же получил прозвище «король-философ», поскольку сразу же в год вступления на престол пригласил для того, чтобы советоваться, вначале Христиана Вольфа (систематизатора идей Г. Лейбница и учителя М. В. Ломоносова), а затем, десять лет спустя, — Вольтера. Фридрих Великий считал, что хорошо работающее правительство должно быть столь же связной системой, как система философских категорий: экономика и политика — внутренняя и военная — должны быть подчинены высшей цели, каковой выступает увеличение мощи государства. Сам государь, разумеется, философствовал. (Последним отголоском такого стремления посоветоваться с философами выступает, пожалуй, так называемая «вертушка» в кабинете декана философского факультета МГУ — телефон без диска для набора номеров прямой связи с ЦК КПСС; стремление согласовать государственную политику с философами, как видно, передалось правителям России через Х. Вольфа и М. В. Ломоносова. И это тоже был славный *koionon*.)

Но этим стремление формировать *koionon* у Фридриха Великого — как просветителя на троне — не ограничилось. Он отменил предварительную цензуру, велел без помех писать всё о столичных новостях. Он создал в 1744 г. Берлинскую академию наук, куда приглашает лучших ученых со всей Европы. Он открыл в Берлине в 1775 г. первую публичную библиотеку, учредил в 1742 г. Королевскую оперу и выстроил для нее здание, в 1747 г. пригласил к себе

¹ См. также: [Кротов 2020; Стерхов 2016; Шигарева 2019].

в резиденцию в Потсдам Иоганна Себастьяна Баха, а также сам был выдающимся флейтистом и композитором (его произведения исполняются до сих пор), написал около 100 сонат и 4 симфонии, закупал для придворной капеллы инструменты работы Амати и Страдивари.

И все же король был прежде всего воином и государственным деятелем — хотя и написал для своих генералов трактат «Анти-Макиавелли» [Фридрих Великий 2017, с. 160]. Берлинские философы легко доказывают это, проводя экскурсии к конному памятнику Фридриха Великого рядом с Университетом имени А. Гумбольдта. На передней части памятника — у подножья пьедестала — изображены его генералы, а вот философ Кант помещен прямо под хвостом королевского коня.

Спора нет: Фридрих Великий заслужил славу общенародного героя всех немцев. Но он создавал *государственные учреждения* для развития наук и искусств. Koïnon как сообщество гениев и талантов — с уникальной его атмосферой всечеловеческого дружества — ему создать не удалось. (И вообще дамы в его дворец не допускались, а без них атмосфера интеллектуального уюта никак не создается.)

Сравнимых успехов в создании сообществ интеллектуалов и творческих людей добилась племянница Фридриха Великого — Анна Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская, герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская (1739–1807). Именно она создала Веймар как культурную столицу всех немецких земель [Кадочников 2018, с. 172–179]². В 17 лет Анна Амалия вступила в брак с герцогом Эрнстом Августом Константином Саксен-Веймар-Эйзенахским, а через два года ее супруг умер, оставив ее вдовой с двумя детьми. Император объявил ее на следующий год совершеннолетней(!) и сделал правительницей герцогства вплоть до достижения совершеннолетия старшим из сыновей — наследным принцем Карлом Августом Саксен-Веймар-Айзенахским (1757–1828).

Герцогиня прекрасно справилась с управлением: ей пришлось править своей небольшой державой до 1775 г., т. е. с 20 до 36 лет. А еще она прекрасно воспитала двоих сыновей, что для нее, как для хорошей матери, было ничуть не менее важно. И для решения обеих задач она пригласила к себе в Веймар всех гениев, каких только можно было отыскать в сотнях мелких немецких земель. Одним из этих гениев и стал И. В. Гёте.

Когда герцогиня Анна Амалия, путешествуя в намерении посетить Париж и Швейцарию с сыновьями, познакомилась с И. В. Гёте во Франкфурте в 1774 г., он был уже признанным драматургом — в 1773 г. во всей Священной Римской империи германской нации, как тогда назывались все немецкие земли, его сделала известным пьеса «Гец фон Берлихинген с железною рукою». Этому немало способствовало сочное выражение независимости в сочетании с призывом

² См. также: [Яценко 2013].

бодриться, которое И. В. Гёте вложил в уста этого мужественного рыцаря с протезом. А в сам год знакомства И. В. Гёте стал еще более популярен, когда описал красивую и достойную во всех отношениях любовь в «Страданиях юного Вертера», которую недавно пережил сам. Герой его испытывает страсть к чужой невесте и находит единственный выход для честного человека — накладывает на себя руки.

В момент встречи с Анной Амалией во Франкфурте литератору, находящемуся на пике славы, было 25 лет. Прекрасной герцогине, в которую литератор, по своему обыкновению, немедленно влюбился — 35 лет. Ее сыну — наследному принцу Карлу Августу Саксен-Веймар-Айзенахтскому — 17 лет. Он путешествовал вместе с матерью. Ему очень понравилось общество И. В. Гёте, и он призвал его ко двору — в следующем году ему предстояло вступить на престол. И. В. Гёте прибыл в Веймар 7 ноября 1775 г. — и прожил там, в сущности, всю жизнь. Дружба с новоиспеченным герцогом продолжалась более полувека. Гёте прожил 83 года, герцог — 71 год, покинув этот мир на 4 года раньше него. Похоронены они рядом.

Молодые люди управляли герцогством весело и задорно — в истинном духе *κοινον*. Они вместе играли в театре, который герцог построил (не без чуткого и заботливого участия матери) и для которого сочинял пьесы его первый министр И. В. Гёте. Однажды они прямо из дворца поскакали тушить какой-то пожар. Впрочем, всякого рода неприятности в герцогстве случались постоянно — как выразились бы на Руси, хозяйство в герцогстве было *совершенно сквозное*. Будущая культурная столица всех немецких земель представляла собой провинциальный, маленький и довольно запущенный городок. Уже в качестве министра И. В. Гёте делал распоряжения — хотя бы в церковные праздники не выливать помой прямо в канаву перед собственным домом. В городе был только один магазин с витриной — рядом с дворцом, для продажи предметов роскоши придворным. Мясом мясники торговали прямо из сеней своих жилищ — естественно, при полном отсутствии холодильников.

Но И. В. Гёте, который стал первым министром исключительно по дружбе и по любви, роль универсального «эффективного менеджера» ничуть не тяготила. Тем более что происходил он от практичного, весьма хозяйственного предка. Дед И. В. Гёте приехал во Франкфурт-на-Майне из Тюрингии и вначале работал здесь портным, а потом открыл трактир. Хотя он был удачливым дельцом и скопил капитал, на который жили не только дети, но и внуки, они при этом стыдились своего «низкого» происхождения и всячески старались обрести великосветские манеры. Этому способствовал сам дед-трактирщик, который отправил своего сына — отца И. В. Гёте — изучать право. У юристов были неплохие доходы, но деньги им давались нелегко: с одной стороны, они должны были быть «людьми дела», т. е. «вести дела»; с другой стороны, они вели их не реально, как специалисты и мастера своего дела, да еще и в нескольких

поколениях, а занимались чужими делами, причем на словах. То есть сама профессия заставляла их жить на два жизненных мира — быть деловитыми, как бизнесмены, и быть своими в высших кругах (как иначе оправдать обращение «Ваша честь»?). Хорошо заработать юрист может, только ведя дела знатных господ, но ведь вначале надо стать вхожим в их круг!

Поскольку отец И. В. Гёте считал самым важным именно получение диплома, а сын все время испытывал с этим проблемы, между ними возникли конфликтные отношения. Но ведь сам отец сформировал у сына нелюбовь к «регулярному» образованию, к «школе» и к «школярству»: в 1756–1758 гг., т. е. с семи до девяти лет, юный Ганс Гёте ходил в общественную школу, а затем был переведен вместе с сестрой на домашнее воспитание. Ему преподавал сам отец — готовил в юристы! — а также восемь репетиторов. И. В. Гёте изучал восемь европейских языков, а также: естественные науки; религию; рисование; музыку; верховую езду; фехтование; танцы, т. е. готовился, по сути, к великосветской жизни. Мать приобщала мальчика к литературе, а бабушка еще в 1753 г. — т. е. в четыре года — преподнесла ему кукольный театр, в котором юный Ганс ставил с друзьями спектакли. Остальное довершила судьба — грянула Семилетняя война и привела в дом семьи Гёте в качестве квартирантов французов, которые не только позволили мальчику поупражняться в языке, но и познакомили мальчика-драматурга с французской драмой.

Изобилие предметов для изучения всегда приводит к поверхностности знаний (тем более что репетиторы обыкновенно не согласуют друг с другом свои «учебные программы»). Но то, что вызывает презрение у специалистов, наоборот, вызывает уважение у «эффективных менеджеров». Они не боятся браться за что-то незнакомое, вести дела на свой лад, проводить реформы, не признавать «объективных данностей» и строить утопии. Таких многообещающих молодых, не отягощенных грузом прошлого и излишним опытом «эффективных менеджеров» очень охотно нанимают те, у кого дела сильно запущены. Они надеются на чудо. «Эффективные менеджеры» сулят им соединение научно-технического прогресса с собственной деловой энергией. Герцогство Анны Амалии было порядком запущено. Но она сама уповала только на молодость и деловитость, и пригласила — через сына, разумеется — И. В. Гёте в «управленцы».

Юный герцог по прибытии И. В. Гёте в Веймар подарил ему дом (в котором «универсальный гений» прожил 50 лет) и поручил ему организовать деятельность правительства. Вскоре выяснилось, что расходы на него — непомерны, а потому финансы герцога пребывают в расстройстве. Просветители обычно приходят тогда, когда казна пуста, а те, кто ее растащил, удалились на поиски новой добычи. (Пока деньги в казне есть, они никаких просветителей к казне и близко не допустят. Просветителя правитель приглашает тогда, когда ему

остается надеяться только на чудо — только вот чуда он ждет не от Бога, а от науки.)

Организатор деятельности правительства И. В. Гёте обнаружил, что огромных расходов требует войско герцога. Каждый из мелкодержавных немецких правителей норовил подражать французскому монарху. Строил дворец, как в Версале, заводил войско. Вот только французские короли возглавляли большое централизованное государство, а немецкие герцоги да князья — мелкие владения (их насчитывалось более 300, и средняя площадь одного княжества была 25 квадратных километров). Войско, впрочем, заводилось не просто для охраны своих карликовых владений. Феодалное мелкодержавие приводило к тому, что эти владения не то чтобы даже становились легкой добычей противника (пожиться там было особо нечем). Немецкие земли были превращены европейскими державами в какое-то всеобщее ристалище, в арену, на которой все соседи приходили биться между собой. Если между европейскими державами возникал конфликт, они приводили свои армии сражаться на немецкие земли. Следовательно, свое войско всё же надо было иметь, чтобы не превращать свои земли в проходной двор. Но вот сколько позволит выделить на это скудный бюджет? И насколько надо «оптимизировать» войско и государственный аппарат?

Герцог назначил И. В. Гёте военным комиссаром, поручив ему вести набором рекрутов, снабжением войска и денежным его довольствием, т. е. материальным обеспечением боеготовности. Всего войско герцогства насчитывало 570 солдат, но содержание его почему-то поглощало огромные суммы. И. В. Гёте сократил войско до 293 человек, а заодно и провел «оптимизацию» числа придворных. Вдохновленный успехами, юный герцог сделал его министром финансов.

И. В. Гёте как «прогрессор» решил разом покончить с финансовыми трудностями, уповав на чудо технических инноваций. С 1777 г. он взял на себя руководство комиссией по горному делу, чтобы реанимировать старый заброшенный рудник в Ильменау — чтобы завалить серебром [Конради 1987, с. 398]. Чтобы изыскать средства на возобновление работы рудника, он выпустил ценные бумаги, которые были обеспечены природными ископаемыми. Эти бумаги, как было сообщено населению княжества, принесут огромные доходы — как только серебро начнет добываться. Население герцогства принялось охотно скупать акции рудника. В ожидании будущих богатств некоторые принялись жить не по средствам, кутить, покупать обновки, спекулировать купленными бумагами. (В «Фаусте» — во многих местах! — И. В. Гёте часто иронизирует над собственными проектами времен «эффективного менеджества»; эти проекты придумывал Фауст, а осуществлял Мефистофель, который знал заранее, что они провалятся (конечно, оба этих персонажа были двумя ипостасями самого Гёте)). Там, в «Фаусте», рассказана похожая история о добыче золота,

но мысль о будущем легком обогащении внушается Мефистофелем — как дьявольское искушение.)

И. В. Гёте дневал и ночевал на руднике в Ильменау, побывав там 28 раз, но за эти десять лет рудник так ничего и не добыл. (Не зря его бросили «специалисты».) Всё это сильно напоминало алхимию — поиски философского камня, способного превращать всё в золото (в данном случае — в серебро). И. В. Гёте чувствовал себя алхимиком — и наделяет этим занятием свой прообраз в Фаусте.

С 1779 г. И. В. Гёте возглавил комиссию по вопросам войны и дирекцию по строительству дорог. Он по-прежнему занимается «оптимизацией» военных расходов, а с дорожным строительством связана новая надежда пополнить казну герцогства. «Проект», если использовать современное расхожее слово, состоит в том, чтобы сделать Веймар транспортным узлом и взимать пошлину за пользование дорогами, которые будут выводить прямоком на главные транспортные пути. До сих пор дороги были только грунтовые. Проехать по ним можно было только в сухую погоду летом. Каменная основа отсутствовала, в огромные ямы проваливались экипажи, травмировались и гибли люди и лошади.

Другими словами, стоило только И. В. Гёте (с юридическим неоконченным (?) и богословским незащищенным (?) — в общем, с непрофильным гуманитарным образованием) заняться одним неотложным делом в порядке помощи людям, которым он искренне симпатизировал, как ему пришлось с необходимостью вникать и в другие дела, связанные с этим делом, — т. е. выступать в роли «системного администратора» — в том смысле, что ему приходилось управлять всей системой, прослеживая со вздохом все ее взаимосвязи. (Точно в такой же ситуации оказывались командиры студенческих строительных и уборочных отрядов в советское время: из них сейчас всё еще состоит «командный» состав университетов, банков, производственных холдингов и т. п.) И. В. Гёте целые десять лет не писал ничего серьезного (или писал урывками), зато занимался — вынужденно, без всякого желания — набором в войско и его снабжением, горным делом (и лесным хозяйством для обеспечения крепежа), строительством дорог, государственными финансами, текстильной промышленностью (надо было одевать двор и обеспечивать реквизитом театр). Ко всему этому *совершенно не лежала душа*. (Хотя он и со всей ответственностью объехал все города герцогства — и не по разу, и удостоился за эту свою деятельность дворянства.)

Но вся эта досадная управленческая «суета сует» чаще всего заканчивалась неудачами. И. В. Гёте руководил дорожными работами с 1782-го по 1786 г., но до самого XIX в. почтовой станции даже в самом Веймаре построено так и не было. Рудник — который уже был заброшен ранее «экспертами», т. е. знатоками своего дела — так и не выдал «на гора» серебро, чтобы поправить

финансовые дела герцогства. Даже война против Наполеона, на которую И. В. Гёте дважды сопровождал своего друга-герцога, была ими проиграна, хотя и не окончательно. (Герцог, кстати говоря, вовсе не связывал никаких надежд с налаживанием хозяйственной жизни в своих владениях. Он — памятуя о том, что «герцог» означает «воевода», «водитель войск», — избрал военную стезю. С 1803 года стал *генерал-лейтенантом* русской службы с назначением шефом Киевского гренадерского полка и с зачислением в Свиту Императора Александра I, участвовал в сражении при Аустерлице, потом снова служил Пруссии, в битве при Иене был ранен и взят французами в плен, был отпущен в свое герцогство, которое Наполеон включил в состав Рейнского союза, потом снова находился при русской армии без зачисления в ее ряды, участвовал в нескольких битвах, за участие в сражении при Лейпциге снова был принят на русскую службу с производством в генералы от кавалерии — и оставался на русской службе до самой смерти. А Венский конгресс увеличил его владения и возвел в великогерцогское достоинство. Вернувшись со славой с Наполеоновских войн, герцог торжественно отпраздновал пятидесятилетие дружбы с И. В. Гёте.)

Таким образом, оба друга одинаково тяготились управленческими делами, предпочитая дела *героические* и будоражащие чувства. Но если герцог просто сражался в самых разных краях, то его друг не мог везде сопутствовать ему — во-первых, по слабости здоровья, потому что еще во время первой попытки «выучиться на юриста» по настоянию отца — в престижном Лейпцигском университете — он заболел туберкулезом и слег (дело дошло до кровохарканья, и отец забрал его домой), а во-вторых, на нем оставалось всё хозяйство герцогства. Но заниматься этим хозяйством он просто не мог рутинно. Он мог вместе с юным герцогом поскакать на тушение пожара, но ему было бы скучно устраивать в городе «регулярную» противопожарную службу, писать для нее инструкции и проверять их исполнение, а тем более — заниматься профилактикой пожаров. Точно так же он относился и ко всем прочим делам, предпочитая заниматься ими «наскоками». (В русском языке этот военный стиль руководства именуется «штурмовщиной» и не исключал, как у медведя на воеводстве у М. Е. Салтыкова-Щедрина [Салтыков-Щедрин 2016, с. 64], «кровопролитиев», тогда как всякого рода съедение чижигов руководством не поощрялось — как мелкотравчатость.)

Личностью И. В. Гёте был победительной и масштабной. Компенсацией за тщету суеты повседневного мира для него становился классицизм в искусстве — стремление писать о высоком и судьбоносном, неподвластном времени, далеком от крохоборства и педантизма. Заниматься наукой и культурой, по мнению И. В. Гёте, тоже надо было героически-титанически: Природа открывается не всякого рода скрупулезным педантам-эмпирикам, а гениям, которых она легко распознает — ведь это ее любимые дети.

Соответственно, и построена должна быть деятельность в науке и в культуре по героическому принципу — пришел, увидел, победил. Университетскому множеству обязательных диссертаций должна быть противопоставлена общедоступная библиотека, где можно взять и почитать всё что угодно, быстро вникнуть в проблему и получить от матери-Природы подобающее гению откровение. Изложить это откровение надо, соответственно, не в монографии, а в статье, а еще лучше — в тезисах на такой же общедоступной, как и библиотека, конференции. Чтобы затем быстро вернуться к своей основной деятельности — по местам осуществления «эффективного менеджмента», т. е. тайного руководства всем.

Вся наука должна быть только библиотечной и журнальной, но не *университетско-академической и монографичной*. В «Фаусте» всё это ненавистное «кабинетное» олицетворяет ученик доктора Фауста — Вагнер [Гёте 2018, с. 704]. В науке Вагнер ценит теорию, которая живет в книгах и придает основательность всем начинаниям. Ему интересно также прошлое науки, сочинения давно умерших философов, древние манускрипты. Фауст, напротив, интересуется только тем, что можно применить здесь и сейчас, — о прошлом он вспоминать не любит, потому что там от него — как и от любого «эффективного менеджера» — остаются, в основном, неудачи.

Фауст раздраем — как и его создатель И. В. Гёте — между Вагнером и Мефистофелем. Вагнер — это основательность науки. Мефистофель — это живость жизни, которая заставляет всякий раз браться за другое дело, еще не окончив толком прежнего. Вагнер — это методичность и педантичность, Мефистофель — это постоянная смена предметов и даже областей исследования. (Библиотека с открытым доступом — символ такой науки; там можно снять с полки любую книгу и, пробежав ее глазами, героически высказать свое мнение. Такое чтение — а сегодня просмотр научно-популярных фильмов и просто изучение новостей и «Википедии» — обеспечивает остроту и живость впечатлений.) Кабинетный ученый Вагнер потому и делает гомункулуса, что ему самому чужда живая жизнь. В ее практике постоянно приходится сталкиваться с недостатком информации при принятии решений — т. е., говоря проще, **рисковать**. Так называемая фундаментальность науки — всего лишь выражение трусости в ней. Не стоит тысячу раз проверять что-то на опыте — надо приходить, ставить твердой рукой героя единственный опыт — и побеждать. Это и есть жизнь великого ученого: просветитель — универсальный гений во всех науках, не задерживающийся ни в одной из них надолго, потому что у него есть универсальная методология — «наука побеждать».

О том же говорил и И. Кант в своей теории «прагматической веры» — врач, например, не всегда может поставить диагноз, но верит, что привычные действия и использование здравого смысла при отслеживании их результатов приведут к успеху лечения — верить надо в действие [Болдыгин 2016,

с. 58–68]. Нечто подобное заявлял и Наполеон Бонапарт, с которым И. В. Гёте встретился в 60 лет и который звал его переехать в Париж, чтобы описывать грандиозные практические деяния французского императора, перевернувшего в своих рискованных экспериментах половину мира. Наполеон Бонапарт говорил: «Надо ввязаться в серьезный бой, а там будет видно». Цезарь в письме к другу выразил это словами, превратившимися в принцип: «Пришел, увидел, победил». То есть: ничего не предусматривал теоретически, до того как увидел, ничего не планировал на солидной научной основе. На Руси говорили: «Война сама план покажет».

Нужна ли смелость в науке? Что в ней важнее — теория или эксперимент? Должны ли все эксперименты быть предварительно обоснованы теоретически? Не открывает ли дилетантизм — этот «научный авантюризм» — нечто новое даже для теоретиков? Если бы науки только накапливали свои теоретические богатства, откуда появлялись бы в них революции со сменами парадигм?

Сегодня у нас есть множество примеров из истории науки, которые доказывают, что в ней ценно всё — и случайные открытия, отчасти произошедшие просто по безалаберности, по причине нарушения правил техники безопасности, от излишнего любопытства, и регулярные серии опытов, которые представляют собой прояснение открытого «случайно», и теоретические обобщения их, сопровождающиеся математическими формулами, которые выражают закономерности. Но в науке, где важны и теория и практика, всегда существовали люди различного типа. Одни тяготели к постоянному открытию неведомого, другие — к теоретическому осмыслению вновь открытого, к связыванию его с тем, что уже известно из истории науки. Эти «партии» — «экспериментаторы» и «теоретики» — спорят друг с другом в любой науке. В «Фаусте» этот спор персонифицирован — его олицетворяют Вагнер и доктор Фауст. Вагнер — это символ науки книжной, *монографической*. Фауст — символ науки *журнальной*. Вагнер — это университет, поделенный на факультеты. Фауст — это конференция, саммит, живое общение ученых, собравшихся отовсюду, — из всех наук и со всего мира. А самое главное — это практик, который занят одновременно множеством разнообразных дел. Единственная приемлемая для него форма причастности к науке — это *koínon*, собравшееся ненадолго ученое сообщество — собравшееся на совет, который по определению будет недолгим.

Это будет собрание, где все участники изложат в ограниченном общепринятом объеме «все новости, достойные опубликования». Дальше узкие специалисты могут отправляться в свои лаборатории для фундаментальных глубинных исследований. Но *koínon* предполагает их умение, их способность выступать в качестве *экспертов*, т. е. ограничивать себя самым важным и ценным для действующих людей — эффективных менеджеров и политиков. Да и все ученые люди должны знать о положении в науке в целом — как говорится, «всё о немногом и понемногу обо всём».

Встречи именно в такой форме — не популярные лекции для профанов, а научные экспертные доклады для людей, посвященных в науку и применяющих ее на практике, — могут быть организованы только вне университетских стен. Это будут вольные встречи *научной общественности, которые не регламентируются никак и никем*. Они являются формой *научной самостоятельности* за пределами *собственной науки*. Но участие в такой научной самостоятельности должно быть *принято* в научных кругах. Кроме того, это должно быть просто приятным и престижным. Точно так же дело должно обстоять и в искусстве: одно дело — высокий актерский профессионализм, а другое — *художественная самостоятельность*, в которой участвуют все, включая первых лиц.

Культура Веймара была культурой аристократической по истокам своим. Она насаждалась и формировалась с активнейшим участием «просветительницы на троне» — герцогини Анны Амалии, достойной племянницы просвещенного монарха Фридриха Великого (и приходилась двоюродной сестрой самому неудачливому российскому государю Ивану VI Антоновичу). Выполнив свои опекунские обязанности в тридцать шесть лет, она была полна сил, которые всецело направила на создание форм организации художнического и научного сообщества — при всемерной поддержке И. В. Гёте. Однако следует отметить, что она занималась такой деятельностью и до его приглашения в Веймар. Культура распространялась по Веймару именно из дворца, а потому понятие «дворец культуры», столь популярное в советские времена, имело самое буквальное значение.

Дворец Виттум (он же Вдовий замок) был местом проживания Анны Амелии с детьми после смерти мужа. После прибытия И. В. Гёте здесь стали проходить «встречи по пятницам» — по сути, литературный салон. (И. В. Гёте просто придал им регулярность, но в таких встречах он участвовал еще во времена столь неудачной учебы в университете Лейпцига, который назывался в ту пору «немецким Парижем». Вот только проходили они не во дворцах, а в плохо отапливаемых и вечно сырых помещениях, где обитали небогатые студенты.) Но И. В. Гёте прибыл в Веймар 7 ноября 1775 г., а за три года до этого во Вдовьем замке уже приступил к своей воспитательской деятельности с сыновьями герцогини Кристоф Мартин Виланд, выпускник Тюбингенского университета, ставший одним из лучших немецких педагогов. (Музей К. М. Виланда расположен в нескольких помещениях Вдовьего дворца.) Этот незаурядный человек не только прекрасно справился с воспитанием принцев, он обосновал свою собственную воспитательную концепцию теоретически, начав издавать журнал «Немецкий Меркурий» («Der Deutsche Merkur»), который выходил с 1773-го по 1810 г. Суть педагогической доктрины заключалась в противостоянии модных тогда в немецких землях романтизма и аскетизма (юному Ф. Шиллеру всыпали несколько лет спустя 12 розог за лишнюю купленную булочку), в следовании требованиям здравого смысла. Придворный педагог

изображался К. М. Виландом одной из главных придворных фигур, способных влиять на воспитание по всей стране. Он написал первый в Германии просветительский «роман воспитания» — «Агатон» (1766). В двух его произведениях — «Абдеритяне» (1774) и «Музарион» — действие происходит в античной Греции. (Фридриху Гёльдерлину, который привил немцам мысль о том, что они должны возродить на немецких землях Древнюю Грецию, в год выхода «Абдеритян» было всего четыре года.)

Педагог был придворным, и городской театр тоже вырос из придворной в буквальном смысле труппы, созданной герцогиней Анной Амалией. Первоначально главными актерами в театре Веймара были герцог и его брат, а также сам И. В. Гёте. Последний также писал пьесы для него, был режиссером великосветской самодеятельной труппы, а главное, двадцать шесть лет — с 1791 г. — был интендантом театра, обеспечивая его всем необходимым. Нужно ли добавлять, что посещение спектаклей придворными было просто делом чести, а не только вопросом эстетической воспитанности? Игра на театральных подмостках с тех пор называется «служением», хотя уже давно не отличается такой самоотверженностью: Ф. Шиллер, больной туберкулезом, вернулся в Веймар в 1799 г. и, наконец, нашел общий язык с кумиром своей юности И. В. Гёте, а тот допустил его на роль драматурга в руководимый им театр — и Ф. Шиллер писал пьесы, которые ставились на его сцене раз в три дня! Это — вместе с изданием нескольких литературных журналов на деньги меценатов — окончательно подорвало его здоровье. Он умер в 45 лет, в 1805 г., за три года до этого неожиданно для себя удостоившись дворянского титула, но богатства изнурительным литературным трудом не снискал, а потому был похоронен в общем склепе для дворян, не имевших средств на склеп фамильный [Ланштейн 1984, с. 408]³.

Но не издавать литературные журналы Ф. Шиллер просто не мог. И. В. Гёте подчеркнуто не отвечал на его попытки обратить на себя внимание и познакомиться, а затем и завязать сотрудничество. Интеллектуальный *koinon* уже диктовал какой-то этикет. И. В. Гёте прислал первые свои материалы в шиллеровский журнал только тогда, когда ему предложили это сделать И. Кант и И. Г. Гердер. Великая дружба между классиками немецкой драматургии, запечатленная памятником, который известен всему миру, последовала уже за соблюдением этой церемонии [Гёте, Шиллер 1988, с. 540]. (До этого Ф. Шиллер признавался, что И. В. Гёте вызывает у него «любовь, полную ненависти», — впоследствии З. Фрейд назовет это «амбивалентными чувствами».) Другое неписаное правило, которое диктует этика интеллектуального *koinon*, побудило изобразить Ф. Шиллера и И. В. Гёте на памятнике **равновеликими** — хотя первый был выше второго ростом на 20 сантиметров.

³ Биографию Ф. Шиллера также см.: [Ватсон 2014].

Если выражаться современным языком, интеллектуальный koіnon требовал для своего поддержания вполне определенной структуры, в которой не было ничего избыточного — ведь идеи сами по себе в воздухе не летают. Подобно капиталу, они не возникают в обращении, но и не возникают вне обращения. Они есть результат коэкзистенции творческих людей, которая протекает в определенных формах — как институционализированных, так и самоорганизующихся при поддержке извне. Эти формы — журнал, творческий союз, библиотека, научно-культурный центр, литературный салон, театр, филармония — представляют собой формы общежития творческих людей. Они предполагают друг друга, сосуществуя в единой системе, которая должна создаваться, сохраняться и развиваться в целостности. Разрушение какой-либо части этой системы или взаимосвязи между какими-то ее частями равносильно уничтожению данной формы культурного сосуществования.

Первоначальные формы искусства были неразрывно связаны с осуществлением религиозных ритуалов — вначале политеистических, затем — монотеистических. Но по мере развития культуры она стремились всё более и более размежеваться с отправлением религиозного культа. «Общины» зрителей принимали выраженно светский характер — во всяком случае, зрители явственно отличали спектакль от богослужения, а дьявола на театральных подмостках — от сатаны, против искушений которого предостерегала церковь. Сатана на сцене не искушал зрителя — он искушал других театральных персонажей. Божества на сцене или в светских книгах становились квази-божествами, превращаясь в художественные образы. В них уже не требовалось верить. Непричастный к ним зритель мог с интересом наблюдать за их «приключениями», не испытывая ни страха за собственную участь, ни надежды, ни прочих чувств. Священные книги — в особенности, священные писания других народов — превращались в развернутые и затянутые информационные сообщения. Возникал сильный соблазн изложить их в концертном формате, более сжато и более интригуяюще. Что и позволяло создать экзотический спектакль или балладу для исполнения в литературном салоне. Разумеется, такие инновации и импровизации не нравились служителям культа, но они тоже принимали объяснение светских сочинителей, что речь идет всего лишь о литературных образах.

Библиотека не может состоять из одной книги (вспомним знаменитый анекдот о «разборе» Александрийской библиотеки халифом Умаром ибн Хаттабом в 642 г., который якобы повелел сжечь книги, в которых есть то, чего нет в Коране, как вредные, а затем сжечь те, в которых есть только то, что есть в Коране — как лишние (см. также: [Даль 2014, с. 34])). Библиотека должна состоять из множества самых разных книг. И репертуар театра должен состоять из множества различных пьес, в особенности если это — театр провинциальный и круг его зрителей ограничен. Не всегда найдется самоотверженный

сочинитель вроде Ф. Шиллера, который будет писать пьесу раз в три дня, беря материал для нее из своей фантазии или из своего опыта. Так возникает неудержимое побуждение пересказать на свой лад чужое Священное Писание или историю других народов.

В Веймаре было кому пересказывать собственную историю и христианское Священное Писание. Всем этим успешно занимался И. Г. Гердер [Жирмунский 1972, с. 209–276]⁴. Церковь XV в., в которой он служил, ныне называется его именем, в ней он и похоронен под органной галереей. В этом «доме Гердера» можно было познакомиться с его серьезными богословскими и философскими трудами, а также книгами, посвященными истории немецкой культуры.

Но библиотека — как иной центр культуры, отличный от церкви, — была предназначена не только для религиозной, но и для светской литературы. Под нее венценосные просветители отдали Зеленый замок — бывшую резиденцию брата герцога. И. В. Гёте, который, конечно, курировал и ее, называя ее «храмом облагораживания человечества». Результаты же чтения могли быть изложены на лекции для широкой аудитории: для такого лектория был специально приспособлен Городской дом (Stadthaus). В начале XV в. в нем была пивная в подвале, затем он стал торговым домом, а во времена И. В. Гёте был превращен в «дом культуры», где читались лекции, а также устраивались концерты и маскарады.

Безусловно, чтение и пересказывание священных писаний других народов могло приводить к вольнодумству. Но просветители мудро рассудили, что такая форма ознакомления с зарубежными мировоззрениями и вероучениями могла представлять собой нечто вроде «прививки», которая, впрочем, еще не была открыта медициной. Познакомившись с иноземной экзотикой в вольном художественном пересказе, читатель или слушатель вряд ли подпадет под ее серьезное влияние — а переболев чем-то чуждым, выработает к нему иммунитет.

В Веймаре И. В. Гёте и его венценосные единомышленники строили именно систему живого, культурного общения. Она должна была находиться «в шаговой доступности», прямо «по месту жительства». Деловой человек, занятый государственными делами, мог провести свой досуг, приняв живое участие в культурной жизни — причем не в качестве зрителя, а в качестве участника. Тайный советник И. В. Гёте курировал и университет в Иене. Там он расширил естественно-научные факультеты, учредил первую кафедру химии, расширил коллекцию анатомических и минералогических экспонатов, создал кабинет ботаники, обсерваторию и ветеринарную школу. Это всё предназначалось для занятия серьезными делами. Но серьезных, фундаментальных занятий гуманитарными науками И. В. Гёте на дух не переносил, а потому намеренно формировал легкую, развлекательно-научную атмосферу

⁴ См. также: [Макаров, Тютюнник, Тютюнник 2018].

в Веймаре — «журнально-библиотечную», в отличие от «монографично-университетской».

И. В. Гёте полагал, что его жизнь — выбранная и выстроенная им самим — вполне может служить ориентиром для других. Он больше всего ценил в людях деловитость. Он занимался практическими делами большую часть недели. А вот отдельные дни и всякие *выпавшие* свободные часы он вполне мог уделять писательству, игре на подмостках театра, чтению в библиотеке. Университетскую гуманитарную публику — «книжных людей» — он не уважал. Это были склонные к диктатуре «люди монографий». (Г. В. Ф. Гегель позднее как-то похвалил Пифагора за то, что он ввел для своих учеников пятилетний обет молчания — и добавил при этом, что свою систему он, Гегель, смог бы изложить, если его не будут перебивать, приблизительно за это время.)

В отличие от этого культура koínon предполагает, что *надо давать высказаться и другим*. Это — не монографическая, а журнальная атмосфера. Здесь нет никаких абсолютных авторитетов и менторов, которые *диктуют*. Эту атмосферу koínon — атмосферу компактной культурной столицы — трудно воссоздать в современном мегаполисе. Но ее вполне возможно создавать и культивировать с помощью современных средств коммуникации, превращая редколлегию журнала в современную форму творческого общения высоких профессионалов, умеющих говорить о своих штудиях кратко, внятно и увлекательно для широкой публики.

Список литературы

- Болдыгин 2016 — Болдыгин Г. В. И. Кант о знании и видах веры // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 58–68.
- Ватсон 2014 — Ватсон М. В. Фр. Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность. М. : Директ-Медиа, 2014. 80 с.
- Гёте 2018 — Гёте И. В. Фауст / пер. с нем. Б. Л. Пастернака. СПб. : Речь, 2018. 704 с.
- Гёте, Шиллер 1988 — Гёте И. В., Шиллер Ф. Переписка : в 2 т. Т. 1. / пер. с нем. И. Е. Бабанова. М. : Искусство, 1988. 540 с. (Серия : История эстетики в памятниках и документах).
- Даль 2014 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Директ-Медиа, 2014. 7602 с.
- Жирмунский 1972 — Жирмунский В. Жизнь и творчество Гердера // Жирмунский В. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л. : Художественная литература, 1972. 496 с.
- Кадочников 2018 — Кадочников В. П. 1756: новый титул Анны Амалии Прусской // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое и Новейшее время : сб. ст. участников XI Всерос. науч. семинара (12–13 октября 2018 г.) / отв. ред. А. Р. Панов. Вып. 13. Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 172–179.
- Казаченок, Громыко 1987 — Казаченок Т. Г., Громыко И. Н. Античные афоризмы. Минск : Вышэйшая школа, 1987. 318 с.
- Конради 1987 — Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. I : Половина жизни / пер. с нем. А. Гугнина. М. : Радуга, 1987. 592 с.

- Кротов 2020 — Кротов А. А. Фридрих Великий и философия французского просвещения // Философия истории философии : сб. науч. ст. / отв. ред. С. И. Дудник и др. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 223–241.
- Ланштейн 1984 — Ланштейн П. Жизнь Шиллера / пер. с нем. В. Болотникова, К. Старцева, С. Тархановой. М. : Радуга, 1984. 408 с.
- Макаров, Тютюнник, Тютюнник 2018 — Макаров А. Н., Тютюнник И. А., Тютюнник С. И. Гёте и Гердер в Страсбурге: идеи о новом искусстве // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018) : сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф. : в 3 т. Т. 3. Киров : Вятский государственный университет, 2018. С. 446–450.
- Салтыков-Щедрин 2016 — Салтыков-Щедрин М. Е. Медведь на воеводстве. М. : Нигма, 2016. 64 с.
- Стерхов 2016 — Стерхов Д. В. Абсолютизм или «сословный ренессанс»? Королевская власть и дворянство в Пруссии в XVIII веке // Actualscience. 2016. Т. 2. № 9. С. 23–30.
- Фрейзер 2003 — Фрейзер Д. Фридрих Великий / пер. с англ. А. Ю. Шманевского. М. : АСТ, 2003. 604 с.
- Фридрих Великий 2017 — Фридрих Великий. Анти-Макиавелли / пер. с нем. А. Нартова, Я. Хорoshкович. М. : Эксмо-Пресс, 2017. 160 с.
- Шигарева 2019 — Шигарева А. Н. Исторические взгляды прусского короля Фридриха II // Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия : материалы V Межрегиональной заочной науч.-практ. интернет-конференции с междунар. участием (Кострома, 16–19 октября 2019 г.) / науч. ред. Ж. А. Захарова. Кострома : Костромской государственный университет, 2019. С. 231–233.
- Яценко 2013 — Яценко Л. В. Культурный феномен Веймара — города немецкой классики // Городская культура и город в культуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 21–22 мая 2012 г.) / под ред. С. В. Соловьевой. Т. 2. Самара : Самарская государственная академия культуры и искусств, 2013. С. 181–186.
- Von Goethe 2006 — Von Goethe J. W. Maximen und Reflexionen. Köln : Anakonda Verlag, 2006. 256 p.

References

- Boldygin, G. V. (2016), “I. Kant on Knowledge and Types of Faith”, *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 4 (15), pp. 58–68 (in Russian).
- Conrady, K. O. (1987), *Goethe. Leben und Werk, Vol. 1*, translated by Gugnin, A., Raduga, Moscow, 592 p. (in Russian).
- Dal', V. I. (2014), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], Direkt-Media, Moscow, 7602 p. (in Russian).
- Freizer, D. (2003), *Fridrikh Velikii* [Frederick the Great], translated by Shmanevskii, A. Yu., Izdatel'stvo AST, Moscow, 604 p. (in Russian).
- Friedrich der Große (2017), *Der Antimachiavell*, translated by Nartov, A. and Khoroshkovich, Ya., Eksmo-Press, Moscow, 160 p. (in Russian).
- Goethe, J. W. (2018), *Faust*, translated by Pasternak, B. L., Rech', Saint Petersburg, 704 p. (in Russian).
- Goethe, J. W. and Schiller, J. Ch. F. (1988), *Correspondence, in 2 vols, Vol. 1*, translated by Babanov, I. E., Iskustvo, Moscow, 540 p. (in Russian).
- Kadochnikov, V. P. (2018), “1756: a New Title of Anna Amalia of Prussia”, in Panov, A. R. (ed.), *Politicheskaya zhizn' Zapadnoi Evropy: Antichnost', Srednie veka, Novoe i Noveishee vremya, sbornik statei uchastnikov XI Vserossiiskogo nauchnogo seminar (12–13 oktyabrya 2018 goda). Vypusk 13* [Political Life of Western Europe: Antiquity, Middle ages, Modern and Contemporary Times, Collected Articles of the Participants of the 11-th All-Russia Scientific Seminar (12–13 October 2018). Iss. 13], Arzamasskii filial NNGU, Arzamas, pp. 172–179 (in Russian).
- Kazachenok, T. G. and Gromyko, I. N. (1987), *Antichnye aforizmy* [Ancient Aphorisms], Vysheishaya shkola, Minsk, 318 p. (in Russian).
- Krotov, A. A. (2020), “Frederick the Great and the Philosophy of French Enlightenment”, in Dudnik, S. I., Krotov, A. A., Mironov, V. V. and Osipov, I. D. (eds), *Filosofiya istorii filosofii, sbornik nauchnykh*

- statei [The Philosophy of History of Philosophy, a Collection of Scholarly Articles], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, pp. 223–241 (in Russian).
- Lahnstein, P. (1984), *Schillers leben*, translated by Bolotnikov, V., Startsev, K. and Tarkhanova, S., Raduga, Moscow, 408 p. (in Russian).
- Makarov, A. N., Tyutyunnik, I. A. and Tyutyunnik, S. I. (2018), “Goethe and Herder in Strasbourg: Ideas for a New Art”, in *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2018)*, *sbornik statei XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, v 3 tomakh. Tom 3 [Society. Science. Innovations. (SIC-2018), Proc. of 18-th All-Russia Scientific and Practical Conference, in 3 vols, Vol. 3], Vyatskii gosudarstvennyi universitet, Kirov, pp. 446–450 (in Russian).
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (2016), *Medved' na voevodstve* [Bear in the Voivodship], Nigma, Moscow, 64 p. (in Russian).
- Shigareva, A. N. (2019), “Historical Views of the Prussian King Frederick II”, in Zakharova, Zh. A. (ed.), *Psikhologo-pedagogicheskaya deyatel'nost': sfery sotrudnichestva i vzaimodeystviya, materialy V Mezhhregional'noi zaachnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Kostroma, 16–19 oktyabrya 2019 goda)* [Psychological-and-pedagogical Activities: Areas of Collaboration and Interaction: Proc. of 5-th Inter-regional Scientific and Practical Conference with International Participation (Kostroma, 16–19 October 2019)], Kostromskoi gosudarstvennyi universitet, Kostroma, pp. 231–233 (in Russian).
- Sterkhov, D. V. (2016), “Absolutism or ‘Estate Renaissance’? Royal Power and Nobility in Prussia in the 18th Century”, *Actualscience*, vol. 2, no. 9, pp. 23–30 (in Russian).
- Vatson, M. V. (2014), *Fr. Shiller. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [Fr. Schiller. His life and literary activity], Direkt-Media, Moscow, 80 p. (in Russian).
- Von Goethe, J. W. (2006), *Maximen und Reflexionen*, Anakonda Verlag, Köln, 256 s.
- Yatsenko, L. V. (2013), “Weimar's Cultural Phenomenon — a City of German Classics”, in Solov'eva, S. V. (ed.), *Gorodskaya kul'tura i gorod v kul'ture, materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Samara, 21–22 maya 2012 goda)*, v 3 chastyakh, Chast' 2 [The Urban Culture and a City in Culture: Proc. of All-Russia Scientific and Practical Conference (Samara 21–22 May 2012) in 3 parts, part 2], pp. 181–186 (in Russian).
- Zhirmunskii, V. (1972), “The Life and Work of Herder”, in Zhirmunskii, V., *Ocherki po istorii klassicheskoi nemetskoi literatury* [Essays on the History of Classical German Literature], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, 496 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 4.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: apertzev@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Information about the author

Pertsev, Aleksandr Vladimirovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: apertzev@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-7711-5098